Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
№1 (9) 2018
страницы 67—74

DOI: 10.24411/ 2618-9674-2018-10002

Конюхов К. Р.

Смех в традиционной культуре

Современное отношение к смеху можно характеризовать как радостно-восторженное. На фоне мрачноватой действительности кажется, что он несет если не освобождение, то, по крайней мере, временное отдохновение от страхов и ужасов окружающего нас серого бытия. Но при непосредственном столкновении со смеховой стихией вдруг оказывается, что шутки бывают злы, грубы, неприличны. Результатом становятся обиды и ссоры. Невольно вспоминается библейское: «О смехе сказал я: “Глупость!”, а о веселии: “Что оно делает?”» (Эккл. 2:2). Христианство не принимает смеховую культуру, но наряду с христианской всегда существовала и весьма причудливо смешенная с ней языческая традиция. Чтобы разобраться, какое место занимает смеховая (карнавальная) культура в мировоззрении современного человека, надо понять ее традиционные, во многом языческие корни.

Этот вопрос представляется не столь однозначным, как кажется на первый взгляд. В народной культуре смеховая традиция выражена достаточно ясно, причем присутствует она в столь несовместимых с нашей, современной, точки зрения мероприятиях как свадьба и похороны. Нет ничего удивительного, что исследователи связывают смех с проявлениями жизненной силы, отличающими наш мир от потустороннего мира смерти. Наиболее очевидным для всех примером является свадебное веселье: «Определяющая черта белорусской традиционной эротики (как и всей эротики в принципе) — ее тесная соотнесенность с народной смеховой культурой. Ибо половой акт и смех в равной степени отвергают смерть и противостоят ей, утверждая жизнь»[1].

Однако то же самое оказывается верно и для похорон. Переход человека в «иной мир» должен был сопровождаться утверждением жизненной силы остающихся, отсюда столь парадоксальный ритуальный смех на похоронах, очевидно не связанный с весельем как таковым. «До тех пор, пока тело оказывалось способно откликаться на получаемые извне импульсы, демонстрируя хоть какое-то подобие движения, “смеха” и сексуального возбуждения, оно оставалось вместе со своим, так изменившимся сообществом и его изменившейся жизнью… Как только эта способность утрачивалась и “отклики” прекращались (погружая его в безмолвие несмеяния, в неподвижность и сексуальное безразличие), оно изгонялось, как чуждое, живым, по-прежнему неистовствующим в “смехе” /движении/ сексуальном возбуждении, подлежа немедленному и безоговорочному уничтожению. В этом, видимо, и состояла некогда тайна звуко-миметического уровня загадочного испытания “смехом” /движением/ сексуальным возбуждением»[2].

В этом контексте нет ничего удивительного в сардоническом хохоте, раздававшемся в процессе умерщвления стариков, или в веселье языческих (олимпийских) богов в процессе переустройства (творения) мира. Похоронный смех — явление, встречающееся вплоть до недавнего времени, но явление нечастое. Вывод, сделанный С. К. Лащенко, трудно оспорить, но также трудно распространить его на традиционную

[1] *Лобач В. А.* Эрос в белорусской традиционной культуре // Белорусский эротический фольклор. М., 2006. С. 109.

[2] *Лащенко С. К.* Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. М., 2006. С. 100-101.

культуру в целом. Похоже мы имеем дело с локальными обычаями, вызывающими, мягко скажем, резкое оппонирование, среди соседей. «Другую “быль”, которую он [Верхорубов, — К. К.] рассказал мне в числе сказок, я не печатаю, так как это не сказка в строгом смысле последнего слова. Дело, будто бы, происходило в одной из деревень Павинской волости Никольского у., на Вохме; на святочном игрище молодежь вздумала играть с покойником и, вместо ряженого покойника, взяли действительную покойницу, скоропостижно умершую накануне до игрища; игра должна была состоять в шуточных похоронах; но когда стали с покойницей прощаться, то она встала, изорвала у игравших всю одежду, а также исцарапала их всех, упокоившись только тогда, когда пропел петух...»[3]. Очевидно, что смысл былички — запрет на смеховой элемент в погребальном обряде. Игра с покойником представляется крайне опасной и может обернуться несчастьем.

Однако если мы обратимся не только к этнографии, но и к фольклору, станет очевидна неоднозначная оценка смеха и веселья вообще. С одной стороны, эти проявления веселья явно положительны и позитивны. Наиболее известен сюжет о царевне Несмеяне, детально разобранный В. Я. Проппом, но он не единичен в ряду сказок о брачном смехе. Интересно, что бытовые представления тесно переплетаются с сакральными. Например, убеждение, что хорошая жена должна быть веселой. Это очень хорошо видно в сюжете об «отчитывании царевны»: «Ехавши мимо реки, он [Николай Чудотворец, — К. К.] говорит: “Айдате этта посидим!” А царевна все сидела невеселая, задумчивая. Он взял да ее поперек-то рассек, этот старичок. В ней полно было гаду набито, зверье всяко. Он все промыл; потом вспрыснул святой водой, — она живая стала. Стала настоящим человеком, веселая и рассудительная, и все как следует»[4]. Заметим, что в «веселое состояние» жену приводит святой, Николай Чудотворец. Он возвращает ее к жизни, наделяя способностью смеяться. Второй раз «хороший» смех мы встречаем в сказочном сюжете о золотой утке: «Щука и говорит ей человеческим голосом: “Не бери меня, красная девица! Пусти в воду, я тебя сделаю счастливою”. Девушка и говорит ей: “Как же ты это сделаешь?” — “А вот, говорит, если ты заплачешь, у тебя из глаз посыплется жемчуг; а если засмеешься — бриллианты”. Девушка ей не поверила. Щука велела ей засмеяться. Она засмеялась — и посыпались бриллианты. Она взяла и пустила щуку»[5]. Заметим, что волшебный дар девушка получает за проявление любых эмоций. Плач, как и смех, является атрибутом живого человека, таким же проявлением его жизненной силы. Может быть, не столь выраженным.

С другой стороны, в большинстве случаев смех в народном восприятии — злой, издевательский, служит причиной бед и неприятностей. Для христианина было очевидно, что неуместное веселие, особенно в церкви, губит душу. Часто встречается сюжет о мужике, которого на старости лет сыновья наконец уговорили сходить в церковь. «Идет он, под ним грязь не проступается, а люди вязнут в ней. Вошел в храм, стал в сторонке, начал было молиться, видит, полна церковь нечистой силы, разные шутки удирают, мирян на соблазн подталкивают. А те — кто засмеется, кто судачить начнет, грешат да и только. Нечиста сила замечает и пишет на свиной коже. Писали, писали, и негде стало писать больше, схватили черти кожу зубами и давай вытягивать. Тут один чертенок понатужился и пернул. Старик видит все это и рассмеялся. Что же, братец ты мой, пошел из церкви домой и вяз в грязи по оборону, как и прочие миряне»[6]. В варианте этой сказке, записанным Д. К. Зелениным, старика губит простая

[3] Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Иваново, 2015. С. 41-42.
[4] Великорусские сказки Вятской губернии. С. 404.
[5] *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. С. 279.
[6] Русские сказки и песни в Сибири. СПб., 2000. С. 65.

улыбка: «В церковь приходит, поисповедался. Стали приобщать, он протчих видит: недостойны которы — нечисты духи подсовывают ему то шлячек, то нечистоту какую-нибудь. Он над етим улыбнулся толькё. Приобшился. Выходит на улицу, вобратно пошол по тому жо следу. По веревок уж в воде! Вот говорим: грехи отпусти, а у нас прибывает их ошшо»[7]. Последний случай явно нетипичный, таким поворотом сюжета озадачен даже сам сказитель. Улыбка, как правило, не имеет столь печальных последствий. Как правило, она, с одной стороны, показывает, что герой сопричастен нашему миру, с другой не вводит в грех.

Но и в историях, не связанных с церковью, хохот звучит зловеще. В большинстве случаев смех вызывают чьи-то злоключения. Слушатели потешаются над неудачами доверчивого героя, который норовит получить выгоду, не прикладывая к этому никакого старания. Нередко такой поворот событий встречается в сказках про наваждения. Они всегда должны вызывать хохот аудитории, но иногда смех звучит и непосредственно в рассказе: «Вот лежат они в берлоге; [это наваждение, — К. К.] набрели на них охотники, сейчас застрелили волка [в него превратился морочник, — К. К.] и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит да кувырк через волчью шкуру — и полетел старик с полатей вниз головой. “Ой, ой! — заревел он. — Всю спину отбил!” Старуха кричит: “Что ты, черна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был”. — “Да вот почто, — и начал рассказывать, — ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьем были: он — волком, я — медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!” Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: “Ай да бурлак! Славно пошутил!”»[8].

Смех для незадачливого ротозея служит последним предупреждением, что сейчас с ним случится несчастье. Иногда веселая сцена служит для отвлечения внимания жертвы от готовящейся кражи. «Купил мужик гуся к празднику и повесил в сенях. Проведали про то двое солдат; один взобрался на крышу. Гуся добывать, а другой вошел в избу. “Здорово, хозяин!” — “Здорово, служба”! — “Благослови колядовать!” — “Колядуй, добрый человек!” Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси,
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется [выделено мной, — К. К.]. “Спасибо тебе, служивый! Я, — говорит, — такой коляды отроду не слыхивал”. — “Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь”. Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!»[9]

Далеко не всегда веселые приключения заканчиваются столь благополучно. Очень часто платой за веселье оказывается увечье или смерть. Это распространенный мотив в былинах, когда в ответ за насмешку вызывают на поединок или мстят. Но в рамках дружинной этики смех — всегда оскорбление. Любопытно, что в сказках такая трактовка насмешки тоже распространена. «Иван-царевич взял живую и мертвую воду и портрет Елены Прекрасной, самоё ее облюбил; потом вскочил в сад сорвал пять яблоков... Проснулась Елена Прекрасная и говорит: “Что такой за невежа был, квашню раскрыл и две полушки на смех положил!”... Елена Прекрасная опять поехала догонять Ивана-царевича; А Иван-царевич приехал в другую изобку и переменил сокола

[7] Великорусские сказки Вятской губернии. С. 299.
[8] Сказки. Кн. 2. М., 1989. С. 487.
[9] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 3. М., 1957. С 293.

на богатырского коня. Приезжает Елена Прекрасная к другой сестре и говорит: “Что вы смотрите! Для чего приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл — не покрыл, на смех две полушки положил”»[10]. Елену Прекрасную факт насмешки волнует чуть ли не больше, чем само насилие, и «разобраться» с Иваном-царевичем она хочет за то, что он **издевательски** не соблюдал обряда сватовства.

Положительные герои сказок смеются не часто. Как правило, хохочут враждебные герою персонажи, и за свой смех им потом приходится жестоко расплачиваться. Веселую реакцию у них может вызывать несоответствие неказистого вида героя и сложности поставленной перед ним задачи. При этом они не понимают, что задача не может быть решена доступными их пониманию средствами, так как связана с «освоением» потустороннего мира. Так Иванушка-дурачок (он же царевич) издевается над своими зятьями, которые не могут выполнить царское поручение и вынуждены прибегать к его помощи. Незадачливым родственникам приходится отдать ему по пальцу сначала с ног, а потом с рук. Иван разыгрывает перед царем двусмысленное представление, используя шкуру принесенной им в жертву лошади, а так же ворон и сорок. Все эти животные тесно связаны с потусторонним миром, но зрители этого не понимают и весело потешаются над ним. Расстроенную жену Иван успокаивает: «Пускай смеются, будет время и ты над ними посмеешься»[11]. В различных вариантах незадачливые родственники платят за насмешки не только увечьями, но изгнанием или смертью.

Итак, смех неразрывно связан с «иным миром», миром смерти. Собственно, смех над смертью не является чем-то удивительным для русского фольклора. Пока что не будем разбирать ситуацию, в которой смерть сама является смешным чудищем, а обратим внимание на веселую интерпретацию самого явления. То, что хорошо известно на этнографическом материале, присутствует, правда, в несколько ином виде, и в сказках. Если веселье на похоронах представлялось жутким и настораживающим атавизмом, то «игры с покойником» были живы в народной памяти. Именно смеховую реакцию слушателей должен вызывать сюжет, согласно которому герои стараются избавиться от трупа и подкидывают его соседям или случайным встречным. Трупом в такой игре может оказаться и мать дурака, и поп, и любовник деревенской бабы. «А муж ее взял ружье и хлоп любовника; а в рот толкнул цельный блин. Приходит его любовница и в изумлении смотрит на него: “Экой ты обжора! Неужели бы не наесться помаленьку? Смотри: подавился!”... Утащила на реку покойника и посадила в лодку и отпустила по воде. Вот плывет наш любовник. А в реке рыбаки заметали сети. “Куда, говорит, — плывешь? Сети изорвешь!” Но мертвый не слышит. Подъезжает рыбак и хлоп веслом по голове. И опять убил... Была у мужика пирушка, и унес его туда. Поставил к воротам, а сам пошел к окну и давай дразнить пьяных мужиков. Выбегают мужики на улицу (а рыбак убежал). Смотрят на мертвого и думают: “Это он дразнил”. Взяли дубины и давай водить. И опять убили... “А вот что, братцы, — говорит один, у попа есть мерин: кто не сядет на него, всякого домой везет”. Так и зделали. А поп молотил с роботником. Взял молотило и хлоп по голове. Опять убил... Положили на сани и увезли в лес на дорогу. Шел солдатик ис походу. И нашел убитова. А сапоги у него были новые, а у солдата совсем поистрепались. И давай их сымать, но снять не мог. Недолго думая, взял ножик и отрезал с ногами. Так наш любовник и кончил свое путешествие мертвый и без ног»[12].

Не менее яркий случай «загробного» хохота, когда смех вызывает нелепая смерть. Ритуальная составляющая здесь почти незаметна, веселую реакцию вызывает сама

[10] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 1. С. 450.
[11] См., например: Лекарство от задумчивости. СПб., 2001. С. 320.
[12] Великорусские сказки Вятской губернии. С. 223.

нелепая ситуация. «“Ну, теперь пойдем, — говорит [лиса. — К. К.] соловью, — надсмешку насмеши!” Соловей полетел на гумно, а лиса за ним побежала. На гумне молотят три сына: двое-то умных, а третий дурак, и отец у них лысый. Вот соловей-то и сел ему на лысину. Дурак увидел и говорит: “Батюшка, батюшка, постой, я соловья убью!” Размахнулся цепом да по лбу отца-то. Отца убил, а соловей улетел. Лиса видела — рассмеялась...»[13].

Смеховая традиция знает один важный парадокс. Казалось бы, и это отмечено в большинстве исследований, посвященных смеху, это явление не может быть характерно для мира мертвых. Мертвый тем и отличается от живого, что, вроде бы, не может веселиться. Исключения есть, но они связаны с какой-то иной, очень древней традицией. Усмешка и смерть несовместимы, и когда она становится как бы последним посланием живущему, сказка начинает звучать зловеще: «Слез на земь, посадил старуху в мешок, взял мешок в зубы и полез опять наверх; лез, лез, устал, да и выронил мешок. Спустился поскорее, открыл мешок, смотрит — лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Он и говорит: “Что ты, старуха, **смеешься** [выделено мной, — К. К.]? Что зубы-то оскалила?” — да как увидел, что она мертвая, так и залился слезами»[14].

Хохот часто выдает живого в потустороннем мире и служит причиной его злоключений или гибели. «Только ступили в избушку, брат увидел козла и захохотал. “Ха-ха-ха, посмотри-ко, сестра! Это што такое?” Козел пробудился и стал звать: “Ноги, идите ко мне! Руки, идите ко мне! Глаза, идите ко мне! Борода, иди ко мне!” Оне пришли; он соскочил и сказал: “Избушка, избушка, сделайся о три уголка!” Она сделалась, — и он стал имать брата и сестру. Когда поймал, посадил их в подполье и стал кормить”[15].

Смеяться не может мертвый **человек**, поэтому представитель посюстороннего мира должен быть осторожен со смехом на «том свете». На нежить это правило не распространяется, более того, она часто заявляет о себе громким хохотом. Попавший на «тот свет» герой предстает перед своим новым хозяином, который должен поставить перед ним трудные задания. Очевидно, что, как бы ни именовался хозяин этого подводного, лесного, подземного мира, перед нами образ дьявола, черта. Часто он встречает героя громоподобным хохотом, который резко контрастирует с предложениями отведать потусторонней пищи, как следует отдохнуть и приготовиться к работе, которая должна обречь героя на вечные страдания под властью этого «хохотуна»[16]. Постоянно усмехается и другой сказочный злодей — Верлиока: «Только слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно **ухмыляется** [выделено мной, — К. К.]. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смирного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому»[17]. Еще один яркий пример, когда смех не несет ничего, кроме беды.

Итак, сама нечисть любит смеяться и зачастую выдает себя смехом. Главный «хохотун» фольклора леший, он же, зачастую, черт русских сказок. Заметим, что в отличие от приведенных примеров, хохот лешего часто означает, что опасность уже миновала. Он смеется, когда удачная шутка завершена, причем это не всегда

[13] Сказки. Кн. 1. С. 88-89.

[14] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 1. С. 33.

[15] Великорусские сказки Вятской губернии. С. 89.

[16] *Азадовский М. К.* Восточносибирские сказки. СПб., 2006. С. 373.

[17] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 2. С. 427.

означает, что человек «попался». Рассмешить лешего, значит избавиться от беды. «Шли мы в лес, вижу, стоит мужик большой, глаза светлые. “Ты, мужик, говорю, когдашний?” — “А я, говорит, вчерашний”. — “А какой ты, говорю, большой, коли вчерашний?” — “А у меня сын годовой, побольше тебя головой”. Побаяли, побаяли, отец что-то смешное сказал. Он захлопал в ладоши и побежал, засмеялся»[18]. Отметим, что леший, или леший-черт, все-таки житель чуждого, но не загробного мира. Гораздо интереснее, когда начинают смеяться покойники.

Смех покойника, насколько мне известно, сопряжен с одним-единственным, но весьма распространенным сюжетом — возвращением покойного мужа к своей жене. Опознает она его именно как покойника благодаря неуместному веселию на похоронах. «Да стали оны с ним жить да поживать, ей думаэтця все, што он мертвый. В деревни сделался покойник, ей охвота посмотреть, зовет его туды посмотреть. Он говорит: “Нет, не пойду”. — “Пойдем”, — говорит. Ну и пошли. Приходят туды. Там с покойника этого тряпицьку снимают сродники, смотрят на него, а ей муж стоит у порога усмехаэтця. Она на него смотрит, думаэт: “Што же он усмехаэтця?” Потом домой пошли. “Што же ты смеялся?” — спрашиваэт у него. Говорит: “Так ничцего я”. — “Скажи”, — она скае. “Вот, скае, как тряпицьку снимут с него, покойника, а черти пихаются к нему в рот”. Так она говорит: “Что же тут будя, што они пихаютця?” — “Ну, — говорит он, — хлоптун рудитця”»[19]. Количество вариантов этого сюжета достаточно велико, но суть не меняется: смеется покойник. Представлен фрагмент сказки, однако еще совсем недавно похожие истории рассматривались как вполне реальные. Одна баба жила со своим мужиком даже не подозревая, что он мертвый. Все открылось на похоронах: «Пришли, люди все плачут, а этот мужик — нет-нет, да и захохочет, а баба ему и говорит:

– Что у тебя за смех?

Бабе стало неловко. А почему он хохотал — потому что он был бес. Он все видел: покойник лежит на лавке, а у ево из жопы бесы кишки таскают. И вот оне вытащут кишки, оне и упадут на пол, а он и захохочет, потому что он все видел… Идут, баба и говорит:

- Что ты смеешься?

А он и говорит:

– Али ты не видела, что у мужика из жопы кишки таскали бесы?

А они и сметили, что он бес»[20]. Вроде бы, данные известия противоречат уже отмеченному нами убеждению, согласно которому покойник смеяться не может. Очевидно, что оживший покойник, помимо функций движения, речи, полового сношения, обретал также и способность смеяться. Но необходимо отметить, что все эти действия совершало не само мертвое тело, а вселившийся в него бес. Без его «помощи» мертвец ни на что подобное не способен.

Нет ничего удивительного, что фольклорное отношение к смеху, если не отрицательное, то настороженное: там, где смеются, надо быть очень осторожным, в противном случае недалеко до беды. Эта настороженность нашла отражение в детских сказках. Ребенка с пеленок приучали бдительно относиться к смеховым ситуациям. «Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: “Пузырь, давай на тебе переплывем!” — “Нет, лапоть, пускай лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней”. Соломинка перетянулась;

[18] Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова. СПб., 2008. С. 522.

[19] Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова. С. 347-348.

[20] Мифологические рассказы русских крестьян XIX-XX вв. СПб., 2015. С 615.

лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!»[21]

Смех в различных культурах оценивается по-разному. В язычестве он может нести и добро, и зло, в зависимости от направленности и смысла ритуала или реакции человека. По мере распространения христианской культуры языческий (карнавальный) смех, вне зависимости от того, был он элементом магии или нет, стал оцениваться отрицательно. Для славян характерно, видимо, весьма терпимое, но настороженное отношение к смеху.

Попробуем объяснить парадокс фольклорного смеха. Для начала отметим, что ритуальный смысл был уже прочно забыт, но внешняя сторона обряда хорошо просматривалась. Важно, что все веселые ситуации возникают на стыке двух миров: нашего, обыденного и потустороннего. То, что в посюстороннем мире выглядит серьезным, печальным или даже ужасным, «там» предстает смешным. И, соответственно, наоборот: можно смеяться над непонятым ритуалом, значение которого понимает только «дурак», но это подвергает весельчака большой опасности, ставит его в зависимость от посвященного. Забавное двоение образа происходит именно из-за несоответствия миров и непонимания героями, что это двоение произошло. Отец семейства должен умереть в своей постели, окруженный почтительными сыновьями. Однако он оказывается в зоне вторжения магического, потустороннего мира, и его убивает не разобравшийся в ситуации сын-дурак.

Кстати, обратное тоже верно. Вообще-то, и языческая обрядность не любит смеха, если не подразумевает его. Смех — вмешательство из другого мира, демонстрация того, что в мир магии вошел мир посюсторонний. С точки зрения непосвященного человека обряд становится несерьезным, с точки зрения колдуна он разрушается. Приведем свидетельство женщины, которая маленькой девочкой наблюдала неудачную попытку изгнания из избы тараканов. «Она [знатуха, — К. К.] говорит — летом тороканов раньше ить много было, вот тороканы-ти пошли в окошко — открыли, в окошко пошли, пошли на улицу-ту, а мы... еще закланялись эдак тороканы-ти: прощаются с нами. А мы захохотали — тороканы-ти вси обратно. Она говорит: “Ну, захохотали — ницего теперь мне не сделать”. Обратно все и пришли... Она говорит: “Только не хохочите”, — мы не могли утерпеть, как оне, главно, закланялисе, прошалисе с нами — а мы все, как глупые, захохотали и все»[22].

Очень редко потусторонний смех переходит в наш мир. Это особое дарение, которое может принести выгоду человеку, но сам человек им предпочитает не пользоваться — так как знает его происхождение, — и переуступает его другому за деньги. Известие об этом сохранилось в украинской сказке: «І ён сказал, што у мяне ёсть такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажны **смяецца** [выделено мной, — К. К.]. Таму пану вельмі захацелося рыбкі і за тую рыбку дал мужыку пару валов, пару коней і толькі збожа, колькі мужик хацел. Ітак мужык знайшол сваё шчасце у двух грашах»[23]. Важно, что под «счастьем» здесь понимается не возможность смеяться, а материальная выгода, полученная от продажи этой возможности.

Для человека всегда непонятно, вызван смех бытовой нелепицей или он стал следствием магического вмешательства, окном в иной мир. Пограничное состояние всегда опасно и требует осторожного отношения. Мы уже отмечали, что смеющийся человек часто просто не видит вмешательства потусторонних сил. Беда в том, что иногда смех как раз и маскирует их присутствие, делает человека уязвимым

[21] Сказки. Кн. 1. М., 1988. С. 210.

[22] Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013. С. 42.

[23] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 3. С. 101.

по отношению к колдовскому «заговору»: «“На, — говорит [колдунья Настасья Прекрасная, — К. К.], — ковер! Неси на рынок; коли кто станет покупать, ты денег не бери, а проси, чтоб напоил тебя допьяна”. Иван купеческий сын так и сделал, напился допьяна, вышел из кабака и упал в грязную лужу; собралось много всякого народу, смотрят на него да **смеются:** “Хорошо молодец! Хоть сейчас под венец веди!” — “Хорош — нехорош, а велю — Настасья Прекрасная меня в маковку поцелует”. — “Не больно хвастайся! — говорит богатый купец. — Она на тебя и взглянуть не захочет — вишь ты какой захлюстанный!” Начали спорить; купец говорит: “Давай об заклад биться — хочешь на десять тысяч?” — “Есть из чего хлопотать! Коли биться, так на все имение”. — “Ну, пожалуй, на все имение!” Только порешили дело, глядь — идет Настасья Прекрасная, подняла купеческого сына за руку, поцеловала в самую маковку, обтерла-обчистила и повела домой»[24]. Хохочущий человек может оказаться уязвимее пьяного: водка не только притупляет, но и обостряет чувства, смех наводит пелену на разум всегда.

За смехом ощущалась страшная сила. Именно страшная, которую древние связывали с производительной силой природы, силой жизни. Но источником этой силы был жуткий потусторонний мир. По мере распространения христианства, приходило понимание, что источником этой силы может быть дьявол или другой злой дух, который тоже любит смеяться. Смех, как и карнавал, связывался с бесовщиной. С другой стороны, чувствовалось, что насмешка, как и колдовство, может оказать сильнейшее воздействие на окружающих. И в этом отношении она близка к колдовству. Смеховой стихии боялись и стремились овладеть ею, использовать и как бытовое и как социальное оружие. Карнавальная культура — один из способов овладения этим оружием.

Источники и литература

1. *Азадовский М. К.* Восточносибирские сказки. СПб., 2006.
2. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 1-3. М., 1957.
3. Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Иваново, 2015.
4. Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013.
5. *Лащенко С. К.* Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. М., 2006.
6. Лекарство от задумчивости. СПб., 2001.
7. *Лобач В. А.* Эрос в белорусской традиционной культуре // Белорусский эротический фольклор. М., 2006.
8. Мифологические рассказы русских крестьян XIX-XX вв. СПб., 2015.
9. Русские сказки и песни в Сибири. СПб., 2000.
10. Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова. СПб., 2008.
11. Сказки. Кн. 1-2. М., 1988.
12. *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

[24] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. 2. С. 218.